

— Разве не сказали, что будем представляться?

Пэй Фэнжань опустил взгляд:

— Представляться? Я думал, ты уже настолько известен, что не нуждаешься в представлении?

Чу Саньсы не смог сдержаться:

— Ты сам сказал, что будем представляться, когда все соберутся!

Остальные были поражены — этот человек действительно смел.

Но Чу Саньсы не видел в этом ничего странного. Он был высокого происхождения и имел право так прямо выражать свои мысли.

Возможно, прожив долгое время в дворцовых стенах, где нельзя было лишнего слова сказать, он в глубине души мечтал о том, чтобы иметь возможность говорить, что думает.

Кроме того, что здесь могло его сдерживать?

Грубая еда? Простая одежда? Разваливающаяся школа? Или бедный и слабый учитель?

С точки зрения Чу Саньсы, его мысли и действия были правильными.

В конце концов, он, настоящий принц, снизошел до того, чтобы учиться в этом убогом месте, даже под предлогом тренировки. Но кто в таком месте осмелится публично поучать принца?

Те, кто имел право учить принцев, уже были приглашены во дворец, и здесь не могло быть случайных людей.

Но, к сожалению, здесь он ошибся.

Это была школа Пэй Фэнжаня, и простой принц, ха, был далеко не на его уровне.

Отшельники всегда славились своим талантом и независимостью. Это группа людей, которые стремились только к духовной свободе, никогда не искали покровительства знати, были равнодушны к славе и обладали высоким интеллектом и эмоциональным интеллектом.

Для этих отшельников, у которых было мало мирских желаний, королевская власть была как мимолетное облако, не имеющее большой силы.

Поэтому, видя безразличие на лице Чу Саньсы и пренебрежение в его движениях, Пэй Фэнжань оставался невозмутимым, лишь слегка взглянув на братьев.

Возможно, пришло время показать им, что такое наказание переписыванием.

— Перебивать — переписать десять раз. Если повторится, наказание удвоится.

Так Пэй Фэнжань легко подавил привычную наглость третьего принца.

Переписать, и на этом все, продолжая свой ритм.

— Те, кого вызвали, кроме того, чтобы прочитать текст наизусть, должны также рассказать, что они поняли из него.

Чу Саньсы хотел еще что-то сказать, но, видя, что все уже погрузились в учебу, он не стал продолжать шуметь, чтобы не потерять лицо перед учениками.

Чу Сыши, наблюдая за всем, внутренне восхищался: «Учитель Пэй действительно велик, уже при первой встрече он нашел слабое место третьего брата!»

Его третий брат, любитель поест, скупой и очень любящий свое лицо, с сильным духом соперничества. Непонятно, что в нем нашел отец.

Во время перерыва Цзянь Цзун обернулся, посмотрел на братьев, сидящих позади него, и, наконец, решил подойти и поздороваться.

— Здравствуйте.

Чу Сыши улыбнулся в ответ:

— Здравствуйте, молодой господин.

«Вау! Такой воспитанный, этот человек, несомненно, необычен, наверное, пришел сюда из-за славы учителя!»

Цзянь Цзун внутренне восхищался. Это был первый раз, когда кто-то называл его молодым господином!

— Не стоит вежливости. Меня зовут Цзянь Цзун, я учусь здесь уже больше полугода. Думал, раз вы сегодня только пришли, возможно, у вас есть вопросы, поэтому решил подойти и помочь, если смогу.

Чу Сыши, глядя на улыбающегося ему юношу, который был примерно его возраста, почувствовал, будто разговаривает с сопровождающим:

— Меня зовут Чу Сыши, а это мой брат, Чу Саньсы. На самом деле, ничего особенного... Ах, да, есть один вопрос!

— Да? Что? — спросил Цзянь Цзун.

Чу Сыши указал на брата:

— Что такое переписывание?

Лицо Чу Саньсы тут же потемнело.

Цзянь Цзун понял, затем взял книгу со своего стола и начал листать:

— Переписывание — это копирование текста.

Чу Сыши, глядя на него, удивился:

— ...Какой текст?

Цзянь Цзун, держа книгу, автоматически ответил:

— Конечно, весь.

Чу Саньсы начал сомневаться в своем слухе:

— Что???

Что он только что услышал?

Чу Сыши широко раскрыл глаза, сглотнул и показал на толщину книги:

— Так много?

— О, нет, не так много.

Чу Саньсы вздохнул с облегчением.

Цзянь Цзун наконец нашел главу, которую проходили вчера:

— Нужно переписать только до этой главы.

«Почему ты так легко произносишь слова «только»?»

Разве этого недостаточно?

Вы, ребята, выглядите так, будто это обычное дело!

Это пугает!

Чу Сыши уже начал вспоминать, не пропустил ли он что-то важное.

Чу Саньсы, всегда стремящийся не отставать и любящий свое лицо, все еще пытался сопротивляться:

— Вы раньше тоже так наказывали? Вы все это переписывали?

Тот факт, что он задал этот вопрос, показывает, насколько он был наивен. Он совершенно не понимал, что для этих людей возможность учиться была большой честью, и как они могли не слушаться?

— Да. — Цзянь Цзун кивнул, затем утешил новичков:

— Ничего страшного, все через это проходят. Учитель строгий, но это для нашего же блага! Мы должны учиться усерднее, чтобы оправдать его заботу!

Чу Саньсы не почувствовал себя утешенным.

Видя, что новички все еще в унынии, Цзянь Цзун почувствовал вину и, осенив его мысль, быстро указал на своего соседа:

— Вот, смотрите на него. Он раньше постоянно болтал на уроках, и его заставили переписать уже почти двести раз, и он до сих пор жив! С вашими манерами, вас точно не заставят переписать двести раз!

Цзянь Цянь, внезапно ставший объектом внимания, с негодованием обернулся:

— Нельзя ли не вспоминать такие вещи?

Братья Чу были настолько шокированы, что не могли говорить.

«Мы... вышли из огня да в полымя!»

Видя, что они молчат, Цзянь Цзун, боясь, что они подумают, будто учитель их специально мучает, начал объяснять методы переписывания.

— На самом деле, в этой книге не так много страниц, вам не о чем беспокоиться. Вот, я покажу вам один способ.

— Можно взять по кисти в каждую руку и писать одновременно, так вы будете быстрее.

Цзянь Цзун взял две кисти и показал Чу Саньсы.

— Смотри, просто, правда? Я уже научил этому многих, и все говорят, что это очень эффективно. Я подсчитаю время, сегодня после обеда у нас самостоятельная работа, и ты точно закончишь до конца дня!

Чу Саньсы: ...

Глядя на оставленный Цзянь Цзуном лист с четкими иероглифами, Чу Саньсы действительно задумался.

Он думал, неужели это действительно так просто?

— Кхе-кхе... Да, действительно просто. — Чу Сыши слегка кашлянул, чтобы скрыть свое смущение, и тихо сказал:

— Третий брат, держись.

Чу Саньсы не стал ничего говорить, взял бумагу и кисть, начал растирать тушь.

«Он просто не верил, что сможет писать обеими руками одновременно!»

Бай Сю, стоя у занавески, наблюдал за действиями Чу Саньсы, затем повернулся и начал тихо смеяться.

— Ох, этот глупый ребенок, он действительно так пишет! Цзянь Цзун забыл сказать ему, что если левой рукой писать неразборчиво, то все равно придется переписывать?

Пэй Фэнжань взглянул на белые облака на небе, затем неторопливо отпил вина из чашки:

— Возможно, он просто забыл.

Бай Сю покачал головой:

— Не верю. Цзянь Цзун не из тех, кто забывает. Думаю, он сделал это специально, ведь этот парень действительно слишком наглый.

— Вино слишком слабое. — Пэй Фэнжань, закончив пить, опустил взгляд, повернул запястье и веером коснулся руки Бай Сю, который хотел украдкой отпить. — Что ты делаешь?

Бай Сю повернул голову, притворившись, что ничего не произошло:

— Эх, какая прекрасная весна! Почему никто не дарит мне вина? Женщины деревни Цзянь, видимо, плохо видят, раз выбрали бедного и слабого ученого!

Бай Сю был искренне удивлен.

Он так много болтал, почему же люди не верят? Многие видели Пэй Фэнжяня лишь издалека, даже не разговаривали с ним, почему они так упрямы!

Бай Сю не верил.

«Неужели теперь эффект слухов и сплетен исчез?»

«Или же красота действительно позволяет все?»

<http://bllate.org/book/16187/1452278>